

Автор: Власенко И. (Россия)

Посвящается Л., женщине,

переживающей острое горе

Говорят, на дереве не найти двух одинаковых листьев. Одинаковых нет, но все же своей формой, изгибами контура, оттенками цвета, какими-то невообразимыми повторами жилок — похожие есть. Так и в судьбе человека — при всей ее уни-каль-но-сти — вдруг является со-бытие, с невероятной точностью повторяющее другое, кем-то уже пережитое...

Я постоянно размышляю об этом сейчас, когда вспоминаю обстоятельства случайной встречи с женщиной (ее зовут Л.), много моложе меня, но с близкими для меня взглядами на мир семьи, супружество, воспитание. Мы думали встретиться вновь. Но вдруг... неожиданная и трагическая весть — у нее умер муж. Даже меня, не знавшую этого человека, известие повергает в шок: так хорошо и ясно я представляла его по описаниям жены. Неблизкое знакомство не дает мне права быть рядом, но от этого известия уже не отвернешься. Что делать?

И мне тотчас вспомнилось время, когда моя близкая подруга (с которой мы знакомы «всю жизнь» и у нас разные по интенсивности, но доверительные отношения) также в одночасье потеряла любимого человека. Обстоятельства жизни моей новой знакомой в этот период с пугающей буквальностью напомнили мне те события шестнадцатилетней давности. Невероятно быстро прошли эти годы... Моя подруга (назовем ее В.) нашла в себе силы и мужество жить после самой тяжелой, главной потери в своей судьбе.

И вот теперь я представляю себя стоящей между двумя этими женщинами: одной, прошедшей путь возвращения себя к жизни, нашедшей смысл в этом, и другой, растерянно всматривающейся в туманную даль и все еще раздумывающей: та ли это дорога? Есть большой для нее риск остановиться в развитии, окружить себя частоколом из жалости к себе и сочувствия окружающих, а то и от-вращения от жизни (раз уж она оказалась так несправедлива). Я посредник для них. И предоставляю слово первой, прошу ее поделиться тем, как она справилась с непереносимым, острым горем, что помогло, где нашла силы. Вот что она рассказала...

Мой муж, здоровый и сильный человек, умер скоропостижно в возрасте пятидесяти шести лет (сосудистая патология) в 1996 году. Я не имела сил жить дальше и успокоение находила только у его могилы. Но как-то, возвращаясь с кладбища, неожиданно для себя проговорила стихотворение. Оказывается, я его сочинила. Так началось мое спасение, посланное мне, я уверена, милостью Божьей. С этого момента в течение года я стала складывать эти спасительные для меня строчки (стихами я их называю условно), в основном на кладбище или на пути туда и обратно. «Продолжение к эпитафии» стало последним стихотворением этого цикла. Моя дочь, художник-полиграфист, переплела эти стихи в книжку. Так они и живут с тех пор в нашей семье. Возможно, они станут подмогой еще кому-нибудь...

Последние часы вместе

В тот день мой муж встал, как обычно, часов в пять и отправился на пятикилометровую пробежку по окраине города. Вернувшись домой, он пожаловался на боль в горле и был как-то необычайно бледен. Я так этого испугалась, что вызвала сразу бригаду скорой помощи и дежурного врача. Еще бы не испугаться: он всегда считал себя здоровым человеком (и мы были в этом абсолютно уверены), у него даже «истории болезни» не было. Когда медики были вызваны, я уложила его на диван, позвонила на работу, предупредив, что меня сегодня не будет и, сидя рядом с ним, стала чертить какой-то важный график.

Надо сказать, что в нашей семье болезнь кого-либо (конечно, это был не Саша) обставлялась как какое-то радостно-совместное действие, когда вокруг больного возились, придумывали какие-то сюрпризы, вместе читали, рукодельничали (конечно, не в острой стадии болезни). Если дело происходило зимой, то Саша ежечасно выносил на проморозку постельное белье, и потом это все застилалось под общий смех и восклицания больного, встретившегося с холодом и запахом мороза. Несколько кукол, лоскутные одеяла, вышивки и картины появились в нашем доме именно в эти дни болезни кого-то, когда другие были рядом...

Медики прибыли, и все обнадежили нас тем, что ничего серьезного нет, назначили какие-то препараты. Кто-то побежал за лекарствами, а мы с Сашей пили чай с лимоном и вспоминали вчерашний день. На велосипедах мы с ним ездили на кладбище в Александровку, где похоронены наши дедушки и бабушка. На обратном пути присели на солнечном пригорке и стали мечтать о будущей жизни. Этот полусерьезный, полушуточный, неоднократно возобновляемый разговор сводился к нескольким моментам нашей будущности: Саша говорил о том, что дети уже взрослые (оба учились в то время в институтах), и нам скоро надо будет их оставить, уйти вдвоем, поставить какую-то избенку (вот хотя бы на этом холме) и жить без суеты в окружении природы. Избенка — это даже круто! Раньше он говорил: поставим палатку. «А как же внуки?» — возражала я. «Так вот сюда пусть и привозят».

У Саши с юности была любимая фраза, которую он прочел, по-моему, у Владимира Леви: «В их доме не чувствовалось быта». Он всегда отслеживал этот баланс материального и духовного в нашей семье, чтобы первое не придушило ненароком второе. Например, я отчетливо помню зимнее воскресенье и себя за стиркой-уборкой, которая слишком уж затянулась. Саша заходит в спортивном костюме: «Ты уже готова?» «Ну-у-у, Сашенька!» — пытаюсь поторговаться я. «Но мы же договаривались: воскресенье — в сосновый бор, я свои дела закруглил и все». Затем подходит ко мне, вытирает полотенцем пену с рук, закутывает меня в свою пуховку, нахлобучивает шапку. Мы хором говорим детям любимую фразу из Ильфа и Петрова: «К обеду не жди, твой суслик!» И уходим. Спасибо, Сашенька! Это было одно из самых незабываемых наших путешествий по заснеженному лесу. Мы прошли километров десять и вернулись уже под звездами.

...И вот теперь, пятого мая 1996 г., был ясный солнечный день, мы сидели около своих велосипедов, прислонившись спинами друг другу, замурив от яркого солнца глаза. «А когда мне будет восемьдесят девять лет, а тебе восемьдесят, — сказал Саша, — поедем в Китай и спрыгнем вместе с какой-нибудь горы. И люди скажут: Они жили долго и счастливо и умерли в один день. Ты готова?» «А то!» — сквозь дрему отвечала я. И жизнь впереди казалась бесконечно долгой. Саше было пятьдесят шесть лет, а мне — сорок восемь. «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли...» Только через день я никак не могла сообразить, для чего это сын отпиливает две доски (из тех, что Саша с таким трудом достал на новый забор) и затем укладывает их во дворе на две расставленные табуретки...

За миг до нашего расставания

Ты мне улыбнулся, и я улыбалась,

А где-то по городу «скорая» мчалась

За миг до нашего расставания.

За миг до нашего расставания

Еще ты не знал, что не будет боли,

А я и не знала, что грянет горе

За миг до нашего расставания.

За миг до нашего расставания

Мы не успели назначить встречу

На перекрестке звездном и Млечном,

За самым краешком Миро-здания...

Мужчины проходят первыми

Траверсом по судьбе,

А женщины с «крепкими нервами»

Влачат их кресты на себе.

* * *

Я полюбила черные очки

Как полумаску в шуме карнавала.

Когда от горя сузились зрачки,

То лишь стекло беды не выдавало,

Скрывая, как состарились зрачки.

Я полюбила солнечные дни,

Чтобы в очках любезней быть прохожим.

На самом деле мы с тобой — одни,

Никто не станет на тебя похожим,

Пора признаться: мы с тобой — одни.

Я полюбила...

Ах, это давно...

И не забыла...

Дождь стучит в окно...

В очках — что делать?

* * *

Черные мысли, прочь!

Вам оставляю ночь.

А день напролет забываю,

Как с вами к утру засыпаю...

Вечерний диалог(Прерванное воспоминание)□

— Я сегодня немного устала. А ты?

— Я купил два хороших журнала. А ты?

— Я неделю газет не читала. А ты?

— Я читал — вижу проку в них мало. А ты?

— Я бы лучше с тобой погуляла. А ты?

— Я готов: хоть сейчас — до вокзала. А ты?

— Я... любить тебя меньше не стала! А ты?

— Все ж Звезда моя первой упала. Как ты?..

* * *

Я смеюсь, чтобы не плакать.

Плачу, чтобы не реветь.

И реву в объятьях мрака.

Ниже этой планки — смерть.

Мой дом

Сашеньке

Мой дом не крепость, а гнездо

Большой и несуразной птицы,

Рожденной с обликом синицы,

Но с журавлиной стаей слиться

Которой будет суждено.

Не сразу строилось жилье —

Отцом и дедом создавалось,

Потом потомками ломалось,

Но вновь на круги возвращалось,

И забывалось забытие.

Портреты предков на стенах

Нам не мешают ошибаться.

Друзья и дети веселятся,

Гурьбой за круглый стол садятся,

Хоть гулко в птичьих закромах.

Хозяин хрупкого гнезда

Его степенно облетает,

Прорех и дыр не замечает,

Но видит: в небе тучка тает

И... загорается Звезда!

Звезда горит. Но тьма кругом

Нависла, крыльями качая,

И я, свой дом судьбе вручая,

Молитвой утро начинаю:

«Спаси, Господь, живущих в нем!»

Лоскутное одеяло

Человек на 60% из химикалиев,

На 40% из лжи и ржи,

Но на 1% из Микеланджело.

И поэтому я делаю витражи!

А. Вознесенский

У нас уже выросли дети

И малых забот не стало:

Латаю дыру в бюджете

И шью лоскутное одеяло.

Порою и день погожий,

А сердце от боли сжало,

Я жалобой вас не тревожу,

А шью лоскутное одеяло.

На рынках товары из Турции,

Российского — как ни бывало.

Глазею на эту продукцию,

Но шью лоскутное одеяло.

Во мне не проснулся художник,

Таланта петь не достало,

Зато для друзей в прихожей

Цветет лоскутное одеяло!

Сонет

Портрет семьи на фоне лета

Так беззаботен и беспечен,

Что изначально обеспечен

Прямоугольником багета.

И вот уже на стенке где-то,

Хотя хозяин стен не вечен,

А век настолько изувечен —

Не выживет без лазарета.

У счастья все же есть секрет,

Он так же весел, как печален

И не доступен тайнам спален,

Поскольку внешне тривиален:

К несчастьям наш иммунитет —

Портрет семьи на фоне лет.

Возвращение к сонету

Портрет семьи на фоне лет

Возник в сознании спонтанно,

Так нереально и неожиданно,

Как на компьютере... букет.

У нас и времени-то нет,

Чтоб разговаривать пространно,

И переписываться странно,

Когда в почете Internet.

Но вот на подсознание где-то

Вдруг промелькнула мысль о том,

Что хочется вернуться в дом,

Где в детской бабушкин альбом,

А в нем грядущего примета —

Портрет семьи на фоне лета.

Четыре минус один — равняется...

Чтобы решить даже эту задачу,

Нужны из жизни примеры,

Ведь разум не пес бродячий —

Кость схемы не примет на веру.

Итак, доказательство:

Если у стула отломана ножка —

Ненужным валяется на чердаке.

Если раздавлена лапа у кошки —

Сидит несчастная в уголке.

Если остался без стенки дом —

То нет у людей жилья.

Если любили свой дом вчетвером —

Втроем разве мы — семья?..

* * *

Неужто мы спускаемся с горы?

Поскольку спуск опаснее подъема,

В тумане нам не видно до поры

Коварного для путников проема.

Неужто мы спускаемся с небес

К реальности предвидений фатальных?

Уже открыл окошечко собес

Для выдачи пособий ритуальных.

Неужто мы спускаемся с моста,

Который возвело когда-то время

От нашей колыбели до креста

И до звезды, зажженной в Вифлееме?

Неужто мы спускаемся?..

Продолжение эпитафии

Свободен, свободен,

Свободен: Слава Господу

Я, наконец, свободен.

Мартин Лютер Кинг

Ты свободен, любимый, от бреда больниц,

От старенья, от чувства вины.

Ты свободен от чванства «ответственных лиц»,

Безработицы, страха войны.

Слава Господу! Ты не свободен

От любви, не покинувшей нас,

Не свободен от места на Родине

Возле карих испуганных глаз.

1996-1997 г.

Конечно, мне давно знакомы эти стихи моей подруги. Мы читали их на годовщину смерти ее мужа. И потом не раз они помогали другим людям, попавшим в трудную жизненную

ситуацию. Наверное, они могут иметь терапевтический эффект: смотря как к ним относиться, как читать. Она-то сама (человек с филологическим образованием) не считает их стихами в обычном понимании, т.е. произведениями искусства, и дает себе отчет в их несовершенстве. Она называет их «**мои спаси-и-и!!!-тельные стихи**». И в этом качестве, как мне кажется, они могут быть полезны...

· как полезно страдающему человеку отстраниться от своей боли и увидеть боль другого, чтобы ему посочувствовать,

· как полезно играть ребенку, сопоставляя свой мир с миром взрослых, чтобы этот второй не был таким пугающим,

· как полезно через эти и другие стихи увидеть свою жизнь в обобщенном и символическом значении, убрав банальные очертания быта,

· как полезно, пройдя сквозь свое отчаяние и одиночество, найти силы и мужество для собственного творчества в любом его проявлении.

*Теперь я прощаюсь с этими двумя женщинами и хочу верить, что их я познакомила
недаром, что в этом какой-то смысл есть.*